

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ: ПРЯМОЕ, КОСВЕННОЕ ЭКСПЛИЦИТНОЕ И КОСВЕННОЕ ИМПЛИЦИТНОЕ ОПИСАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОВОРЯЩИМ СУБЪЕКТОМ

Доказывается необходимость выделения в вербальном маркировании идентичности зоны рефлексивной самоидентификации, то есть номинативной стратегии причисления говорящего к какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню. В речи, в конкретных дискурсах описание идентичности накладывается на все другие ее проявления и, конструируя и / или реконструируя идентичность, служит определенным маяком в ее распознавании адресатом. Проанализированы способы такой стратегии – прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание.

Ключевые слова: самоидентификация; идентичность; описание идентичности; дискурс; речевая стратегия.

Для лингвистики последних лет характерен поиск своих аспектов в исследовании проблематики идентичности и связанной с ней (само)идентификации, изучаемых в социологии, философии, психологии, культурологии и других гуманитарных сферах. Возросла активность изучения вербального поведения лингвокультурных типажей, отражения в речи личной и коллективной идентичности, самоидентификации и самопрезентации говорящего субъекта, конструирования и реконструирования идентичности в разных типах дискурсов (см. работы Л.И. Гришаевой, В.М. Громовой, В.А. Даулетовой, Е.И. Дахалаевой, Л.В. Ениной, В.И. Карасика, О.В. Кашкиной, Н.А. Купиной, М.А. Лаппо, Е.В. Леоновой, И.А. Медведевой, О.А. Михайловой, Н.А. Мишанкиной, А.В. Олянич, Д.В. Осипова, Е.С. Ощепковой, М.Н. Рассоха, З.И. Резановой, Н.Б. Слободяник, Л.В. Цуриковой, Э.В. Чепкиной, М.С. Школовой и др.).

В то же время очевидно, что в активно развивающейся исследовательской области существуют лакуны и терминологический разнобой. Отчасти это можно объяснить сложностью, многомерностью самого феномена идентичности и самоидентификации. Так, один из родоначальников концепции идентичности Э. Эриксон в работе «Identity and the Life Cycle» указывал, что «в одно время она (идентичность) кажется относящейся к сознательному чувству индивидуальной уникальности, в другое – к бессознательному стремлению к непрерывности опыта, в третье – к солидарности с групповыми идеалами» (цит. по: [1. С. 13]). Вследствие этой неоднозначности споры вызывает вопрос о возможности осознания субъектом собственной идентичности. Так, психоаналитик Э. Балинт считает, что переживание идентичности невозможно выразить в языке / речи [2]. Однако представляется, что «стремление к солидарности с групповыми идеалами», обозначенное Эриксоном, может быть выражено всеми доступными человеку способами и средствами, в том числе и средствами языка. Если «фактически идентичность – это определенная форма соответствия человека и культуры» [3. С. 14], то эту форму возможно каким-то образом обнаружить. С лингвистической точки зрения представляет интерес вербализованная идентичность: «Идентичность – в разной степени *артикулированное* (выделено нами. – М.Л.), остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями» [4. С. 102].

Необходимо очертить круг собственно лингвистических проблем в указанной области междисциплинарных исследований, найдя свое, «законное» и самостоятельное место в ней. Прежде всего, сформулировать наиболее обобщенное определение самоидентификации как вербального действия, которое могло бы соответствовать установкам разных лингвистических школ и направлений. Лингвисты должны определить роль языка / речи в процессах самоидентификации как неотъемлемой части идентичности. По нашему мнению, если актуализировать лингвистические аспекты исследования идентичности и самоидентификации, то можно дать следующее определение: *самоидентификация* – это осознанное либо неосознанное вербальное и невербальное маркирование идентичности, т.е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню / типу людей.

Другой проблемой этой исследовательской области является смешение двух основных форм вербализации идентичности – самоидентификации как проявления идентичности и как ее описания. Анализ разных форм вербализации идентичности необходим, во-первых, для того чтобы обозначить их интегральные и дифференциальные признаки, во-вторых, для того чтобы, выделив описание идентичности как основной предмет нашего изучения, ввести эту категорию в научный оборот.

Выделение разных способов означивания идентичности говорящего субъекта проводится нами по аналогии с дифференциацией обозначения эмоций. Так, В.И. Шаховский [5, 6] и ряд других ученых выделяют следующие способы представления эмоций: 1) выражение эмоций, в процессе которого участвуют самые разнообразные вербальные, паравербальные и невербальные средства – междометия, эмоционально-оценочная лексика, особые интонационные конструкции, паузы, порядок слов, мимика, жесты и т.д.; 2) описание эмоций, базирующееся на номинативной лексике, т.е. словах, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях. Анализируя социальный аспект языка, В.И. Карасик также разграничивает выражение и описание статусных отношений в языке: «Слова со значением социального статуса человека либо выражают, либо описывают статусные отношения» [7. С. 204].

Сложное и глубинное переживание идентичности может проявляться или, по мнению некоторых ученых, конструироваться при помощи самых разнообразных

способов – как невербальных, так и вербальных, как невольных, так и целенаправленных символических действий: выбор одежды, прически, аксессуаров, мимика и жесты, использование определенной лексики (шире – всех языковых ресурсов), маркирующей принадлежность говорящего к определенной среде.

Но если проявление и выражение идентичности – чаще всего неосознаваемые и / или невербальные действия, то описание затрагивает области языка и речи. Описание своей идентичности говорящим – это другая разновидность процесса самоидентификации, которую можно назвать рефлексивной самоидентификацией¹. Самоидентификация как описание идентичности – это номинативная стратегия причисления себя к какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню. Самоидентификация как описание принадлежности к группе, категории теснейшим образом связана с коммуникативной стратегией самопрезентации, однако не равна ей полностью. Самопрезентация и как коммуникативная стратегия, и как само-представление может включать акты прямого или косвенного описания идентичности, то есть причисления себя к какой-либо группе, категории лиц. Однако данное причисление себя к группе, отождествление себя с ней может происходить не только в ситуации знакомства, представления и не только с целью управления впечатлением о себе у адресата. У самоидентификации существует свой спектр функций и задач – это и процесс поиска, конструирования идентичности, и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения (подробнее см. в [9]).

Самоидентификация как описание идентичности говорящего представлена следующими видами: 1) прямое описание; 2) косвенное эксплицитное описание; 3) косвенное имплицитное описание.

Прямое описание. Лингвистический анализ номинативной стратегии причисления к группе включает в себя исследование как лексического, так и грамматического компонентов. Анализ лексических моделей описания идентичности был намечен в статье «Лексические средства описания идентичности»: «В центре словаря идентичности находится собственно номинативная лексика, отвечающая за объективную категоризацию человеческого сообщества: *мать, отец, женщина, мужчина, девочка, мальчик, врач, учитель, продавец, русский, украинец, казах, православный, мусульманин, атеист, сибиряк, волжанин*. Примыкают к данному словарю лексемы, в значении которых соединяются семантика социальной категоризации (денотативные компоненты лексического значения слова) и эмотивно-оценочная семантика (коннотативные компоненты): *матушка, бабушка, баба, мужик, девчонка, мальчонка, врачиха, учительша* и т.д.» [10. С. 22]. При этом важно помнить, что в реальном дискурсе могут актуализироваться те или иные коннотации номинативов. В.Б. Кашкин, называя такие употребления вербальными мифологемами, подчеркивает, что, например, «за словами *русский, англичанин, француз, немец, итальянец* и др. всегда стоит нечто большее, чем некоторая группа людей. Употребление этнонима вызывает в сознании пользователя языка свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его упо-

требления, оценки соответствующих этнических групп, эмоциональное отношение к ним и т.п.» [11. С. 54].

Грамматический компонент самоидентификации представляет собой «самоидентификационную формулу», то есть формулу описания социальной идентичности автора высказывания. И.В. Шалина определяет понятие «идентификационной формулы» следующим образом: «Статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы: Имя (местоимение) + таксономический / характеризующий предикат. Таксономический предикат выделяет лицо в границах какой-либо группы, микроколлектива: социальной (*Ты ж деревенская*); конфессиональной (*Мама староверка была*); гендерной (*Таська в молодости девка шибко завлекательная была*); возрастной (*Я старуха старухой*) и др.» [12. С. 14].

Думается, что в задачи исследования вербализации идентичности должно войти изучение специфики «самоидентификационной формулы», ее отличий от «идентификационной формулы», обозначенной И.В. Шалиной. В русском языке «самоидентификационная формула» наиболее ярко и конкретно представлена субстантивным типом предложения, образованным по следующей модели: *местоимение 1 лица ед. или мн. числа (Pron₁) + нулевая или материально выраженная связка (cop) + таксономический (классифицирующий) предикат, выраженный именем существительным в форме им. или тв. падежа (N_{1/5})*. Эта обобщенная модель представляется нам языковым инвариантом, определяемым А.В. Бондарко как «признак или комплекс признаков изучаемых системных объектов (языковых и речевых единиц, классов и категорий, их значений и функций), который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой» [13. С. 5]. В свою очередь инвариант синтаксической конструкции соотносится с понятием глубинной структуры, варианты – с понятием поверхностных структур.

Семантика принадлежности говорящего субъекта к группе / категории лиц составляет основу содержания высказывания, формируя логическую пропозицию в предложении (*Я – ваш новый учитель*). Определение вида логической пропозиции является спорным вопросом в лингвистике: например, Т.В. Шмелева относит предложения такого типа к логической пропозиции характеристики [14], а В.Г. Гак – к пропозиции классификации [15].

Базовой синтаксической моделью развернутой пропозиции с семантикой принадлежности к группе / категории, совпадающей с глубинной структурой, является модель с опущенной связкой Pron₁ (–) N₁. Вариант этой модели с материализованной связкой – Pron₁ cop N₁ – несвойствен русскому языку. Другой вариант модели – Pron₁ N₅ – характерен для разговорной речи (*Я здесь учителем*).

Грамматические преобразования отражаются в модели Pron₁ cop N₅, причем связка может быть отвлеченной (*Я была / буду учителем*) или полуотвлеченной, с ослабленным лексическим значением (*Я работала учителем*). Негативные преобразования реализуются в следующих моделях: общеотрицательные конструкции

Pron₁ neg N₁ (*Я не учитель*) и Pron₁ neg cop N₅ (*Я не буду / работаю учителем*); частноотрицательная конструкция Pron cop neg N₅ (*Я буду / работаю не учителем*). Полипропозитивные модификации отражены в моделях Pron₁ N_{1(a)} и N_{1(b)} (*Я учитель и ученик одновременно*) и Pron₁ neg N_{1(a)}, а N_{1(b)} (*Я не учитель, а ученик*).

Свернутую пропозицию с семантикой принадлежности к группе / категории следует отнести к разновидности поверхностной структуры вследствие ее вторичного характера. В русском языке в таких случаях используются предложения, в которых указанная семантика выражена приложением. Возможна бессоюзная модель Pron_{1/4}, N_{1/4}, ... (*Я, учитель, ...; Мне, учителю, ...*) или модели с союзом КАК – Pron₁ КАК N₁ ... (*Я как учитель...*); Pron₄ КАК N₄ ... (*Мне как учителю...*); Pron₁ КАК neg N₁ ... (*Я как не учитель...*); Neg Pron₄ КАК N₄ ... (*Не нам, как неметодистам, решать*); Pron₄ КАК neg N₄ ... (*Нам, как не учителям, ...*).

Таким образом, **прямое описание идентичности** – это использование «самоидентификационной формулы»: местоимение 1-го лица единственного или множественного числа (Pron₁) + нулевая или материально выраженная связка (cop) + таксономический (классифицирующий) предикат, выраженный именем существительным в форме именительного или творительного падежа (N_{1/5}). При этом пропозиция может быть развернутой или свернутой. Языковая семантика такого речевого акта соответствует его иллокутивной силе.

Описание идентичности может быть не только прямым – в вербальном акте суждения о своей идентичности, но и косвенным. Е.Н. Катанова приводит пример косвенной самоидентификации: «Косвенная самоидентификация преобладает при активизации сведений о национальной идентичности членов парламента. При косвенной самоидентификации обозначаемая адресантом роль или характеристика представляется адресату достаточно неопределенной. Ms. Jackson-Lee: *We are in fact a mosaic, not necessarily a melting pot, and we have many months to be able to honor so many different groups*» [16. С. 12]. Этот пример можно отнести к метафорической разновидности косвенного описания идентичности («мы – фактически мозаика»).

В дискурсе самоидентификации косвенная форма – довольно распространенное явление, поскольку в культуре существуют определенные ограничения в актах самоидентификации, а «косвенная форма осуществления, как правило, повышает этикетность коммуникативного акта, так как один из главных принципов вежливости состоит в предоставлении адресату большей степени свободы реагирования» [17. С. 106]. Для анализа понятия косвенного способа обратимся к определениям косвенного речевого акта: «...В косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие особенности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [18. С. 197]; это высказывания, «в которых наблюдаются хотя бы малейшие расхождения между формой и иллокутивной функцией» [19. С. 144]; это «типы высказываний, буквальная форма которых не совпадает с их действительным смыслом» [20. С. 462].

При использовании косвенного описания идентичности акт самоидентификации не выражен явно. Имеет место либо переносное использование элементов «самоидентификационной формулы» (при эксплицитном косвенном описании идентичности), либо «самоидентификационная формула» является результатом выводного знания, т.е. она достраивается адресатом самостоятельно, на основе имеющихся у него знаний о мире (при имплицитном косвенном описании идентичности). Косвенные способы вербализации идентичности нуждаются в специальном рассмотрении, так как существуют различные пути такого описания – эксплицитные и имплицитные (скрытые).

Косвенное эксплицитное описание. Эксплицитные косвенные формы представляют собою конвенциональные способы передачи коммуникативного намерения говорящего. Имеет место переносное использование элементов «самоидентификационной формулы» – либо местоимения, либо таксономического предиката. При расшифровке смысла такого высказывания адресат преимущественно опирается на языковые знания, а именно на знание того, что единицы языка способны использоваться в переносных значениях.

Так, например, к грамматическому уровню косвенного описания можно отнести прием отстранения, выраженный моделью «о себе в третьем лице», который является своеобразной грамматической модификацией «самоидентификационной формулы». Такой прием позволяет создать эффект объективности в самоописаниях, избежать назойливости «яканья», например:

1. *Встретившись с Кристиной, мы мгновенно сблизились. Это почти невероятно: ровесницы, воспитанные в разных культурах, одна – потомок немецкого генерала, вторая – потомок еврея-кантониста – мы мгновенно нашли точки соприкосновения, и хотя наше общение идет на английском языке, чужом для обеих, наше взаимопонимание с годами углубляется* (Л. Улицкая. Священный мусор).

2. *После выступления Маяковский, вдохновленный, спустился с эстрады, вытирая лоб большим платком. – Вот это аудитория! Для них надо писать! – сказал он трем молодым поэтам. Одной из них была я* (А. Барто. Записки детского поэта).

Переносное использование таксономического предиката в «самоидентификационной формуле» функционирует в виде метафоры, языковой игры, самоиронии:

1. *Познер: Вы вообще сатиру любите?*
Ургант: Нет, я люблю, но это не мое. ...Я, знаете ли, принц полтунов (телепередача «Познер»).

2. *– Дядя Сережа, в монополию играть будете?*
– Конечно, я же мастер мира по монополии! (т/с)

3. *Кто я? Я никто. Я так, рядовой служащий* (разговорная речь, начальник организации о себе в конфликтной ситуации).

Косвенное имплицитное описание. Крайним проявлением косвенности описания может быть скрытое описание идентичности. Имплицитные косвенные формы представляют собою неконвенциональные способы передачи коммуникативного намерения говорящего [19]. Адресат высказывания при расшифровке смысла опирается преимущественно на неязыковые знания и на знание коммуникативных максим и как бы

воспроизводит «самоидентификационную формулу» за говорящего.

Приведем пример такой самоидентификации национальной принадлежности, где распознавание смысла высказывания будет опираться на пресуппозицию² о роли фашистской Германии в судьбе еврейского народа:

Мне важно было уехать из Советского Союза и приехать в Израиль. Я тогда уже могла совершенно спокойно оказаться в Америке. Но для меня это было исключено: мне не очень нравится эта страна. Германия тем паче для меня была исключена всегда по обстоятельствам семейным (Дина Рубина в телепередаче «На ночь глядя», 14.08.12).

Следующий пример также иллюстрирует избегание конкретной номинации в национальной самоидентификации:

Еременко Юрий Иванович, Черниговская область: «Господин Президент, нет ли на Вашем генеалогическом древе веточки с украинской окраской?»

В.В. Путин: «Юрий Иванович, нет. Как Высоцкий пел: “Если кто залез ко мне, то и тот татарин”. Но если по-серьезному, то все мои родственники из Тверской губернии России, это где-то километров 200 от Москвы. И в течение многих лет, многих столетий не только жили в одном месте, в одной деревне, но и ходили в одну и ту же церковь, как выяснилось, потому что все эти данные были получены из церковных документов. Но если бы у меня вдруг выяснилось, что у меня есть такие родственные связи, я бы этим только гордился. Мне нравится Украина» (стенограмма интервью В.В. Путина украинским телеканалам, 27 октября 2004, опубликовано: ukraine.ru/stories/01/11/26/2091/230908.html).

Конкретное обозначение «я – русский» заменяется описательной конструкцией «все мои родственники из Тверской губернии России». Пресуппозиция о доминантной национальной принадлежности жителей Тверской области становится ключом к распознаванию смысла³ данного высказывания.

Скрытое описание может быть выявлено не только на основании пресуппозитивной информации, но и на основании информации, сформированной в ходе чтения текста с присущими ему ретроспективными и про-

спективными связями. Например, мы можем увидеть скрытую самоидентификацию Л. Улицкой как биолога в следующем фрагменте:

Не может сегодня человек рисовать дух святой в виде голубя – собственной невинности не хватает, да и про голубей биологи знают, что это одна из самых агрессивных птиц (Л. Улицкая. Священный мусор).

Такое специфическое свойство текста, как когерентность, ответственное за наличие внутритекстовых связей в сознании читателя, позволяет увидеть скрытый смысл «я тоже биолог, я тоже это знаю». В книге «Священный мусор» Л. Улицкая неоднократно возвращается к теме своего образования, первой специальности биолога и генетика как в рамках становления писательского дела, так и всего жизненного пути, например:

Догнать Любу я и не пыталась: она поступила учиться на модельера, я – на биолога. Ей карьера художника по костюмам удалась, моя биологическая – провалилась. <...> Люба говорила об эволюции понятий «мужского» и «женского» в современном мире, я же, как бывший биолог, постоянно примеряла эти идеи к теме более широкой – к эволюции человека как вида, к той интенсивности эволюционных процессов, которые происходят с не замечающим этого человечеством.

Подведем итоги. Самоидентификация как вербальное маркирование социальной идентичности имеет сложную структуру, включающую, наряду с различными вербальными и невербальными проявлениями идентичности, описание идентичности говорящего субъекта, который может использовать прямые или косвенные способы. В речи, в конкретных дискурсах описание идентичности накладывается на все другие ее проявления и, конструируя и / или реконструируя идентичность, служит определенным маяком в ее распознавании адресатом. Дальнейшим шагом в изучении структуры вербальной самоидентификации является анализ соотношения индивидуальной и коллективной идентичности (*Я* как член группы или носитель признака категории и *МЫ* как группа), а также личностной идентичности говорящего субъекта, отраженной в порождаемых ею дискурсах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. с выделенным в психологии понятием *рефлексивной идентичности* [8].

² Пресуппозиция – это «компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически anomальное или неуместное в данном контексте» [21. С. 396]. «Пресуппозиции – это подразумеваемые основания коммуникативной практики, это знания о действительности, обеспечивающие общность миропонимания между участниками общения» [22. С. 215].

³ По данным Всероссийской переписи 2002 г., 92,5% населения Тверской области составляли русские.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленько Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2007. 472 с.
2. Balint E. Commentary on Philip Bromberg's "On Knowing One's Patient Inside Out" // Psychoanalytic Dialogues. 1991. № 1 (4). P. 423–430.
3. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТПУ. Серия «Психология». 2005. Вып. 1 (45). С. 13–17.
4. Косолапов Н.А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии. М. : РУДН, 2003.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1987. 192 с.
6. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. № 5. С. 3–13.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. 333 с.
8. Дмитриева Н.В., Дроздова С.А. Рефлексивная идентичность личности // Личность и общество: проблемы современной психологии : материалы Междунар. заочн. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во ЭНСКЕ, 2010. Ч. 1. С. 88–96.

9. *Лаппо М.А.* Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 6, № 2. С. 72–76.
10. *Лаппо М.А.* Лексические средства описания идентичности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 21–32.
11. *Кашкин В.Б.* Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Воронеж : ВГУ, 2004. Ч. 2. С. 49–62.
12. *Шалина И.В.* Уральское городское просторечие как просторечный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 43 с.
13. *Бондарко А.В.* Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб. : Наука, 2003. С. 5–36.
14. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис : Текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд. Красноярск : Красноярск. гос. ун-т, 1994. 48 с.
15. *Гак В.Г.* Семантический синтаксис // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 703 с.
16. *Катанова Е.Н.* Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
17. *Кобозева И.М.* Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 100–115.
18. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 195–222.
19. *Поспелова А.Г.* Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики / отв. ред. В.В. Бурлакова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. С. 141–153.
20. *Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1988. Т. 47, № 5. С. 462–471.
21. *Падучева Е.В.* Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 396.
22. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2013 г.